

Анне-Кам.
Вестли

**ГЮРО
ПЕРЕЕЗЖАЕТ**

Гюро

Анне-Катрине Вестли

Гюро переезжает

«Азбука-Аттикус»

1979, 1980

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

Вестли А.

Гюро переезжает / А. Вестли — «Азбука-Аттикус», 1979,
1980 — (Гюро)

ISBN 978-5-389-24201-2

Вы наверняка помните Гюро и её семью. Из этой книги вы узнаете, как ей живётся в новом доме, куда отправился Индивид, как рассорился весь Тириллтопен и что случилось потом, а ещё вместе с Гюро вы сможете отправиться в плавание по фьорду, а заодно узнаете, что такое «ретирада».

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-389-24201-2

© Вестли А., 1979, 1980
© Азбука-Аттикус, 1979, 1980

Содержание

Гюро переезжает	8
Бьёрн в новом доме	10
Трое детей и два банана	16
Вода	21
Переезд	25
Истинная правда	29
Новое и непривычное	35
По секрету о грустном	41
Индивид становится школьником	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анне-Катрине Вестли

Гюро переезжает

Повести

Anne-Cath. Vestly

GURO OG LILLE-BJØRN GURO PÅ TIRILTOPPEN

Guro og Lille-Bjørn and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1979

[All rights reserved.]

Guro på Tiriltoppen and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1980

[All rights reserved.]

© Стреблова И.П., перевод на русский язык, 2017

© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2017

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Machaon®

* * *

Гюро переезжает

Бьёрн в новом доме

Настал август. Многие жители Тирилтопена ещё не вернулись домой из отпуска. Сократ ещё был в Фабельвике, Лилле-Бьёрн – в горах, Тюлинька и дедушка Андерсен оставались в приморском городке. А Гюро давно приехала домой. Она тоже ненадолго съездила на каникулы, но это было в июне, и с тех пор прошло уже два месяца. Гюро и Эрле пожили в Кюлпене в хижине Бьёрна. Эрле – это мама девочки Гюро. Отправляясь в поездку, Эрле сказала, что едет в Кюлпен, чтобы отдохнуть и спокойно кое о чём поразмыслить.

И знаете, о чём она там собиралась размышлять?

Об одной картинке, которую нарисовал Бьёрн, и о том, что он при этом сказал.

Гюро видела эту картинку.

Бьёрн нарисовал на ней три острова среди моря. Два маленьких островка и один большой. На одном из маленьких островков сидела женщина с маленькой девочкой. На другом – взрослый мужчина и мальчик. Оба островочка были такие маленькие, что больше на них никто бы уже не поместился.

Но рядом был ещё третий остров – большой. На нём вполне можно было поместиться вчетвером, а вокруг на зелёной лужайке ещё осталось бы много свободного места. Гюро долго разглядывала этот рисунок, и тогда Эрле сказала:

– Спроси у Бьёрна, пускай он сам тебе объяснит, что значит этот рисунок.

Гюро спросила у него, и Бьёрн объяснил, что женщина с девочкой – это Эрле и Гюро, а мужчина с мальчиком – это он сам с Лилле-Бьёрном.

Бьёрн сказал, что Эрле довольна своей работой дворника. Она работает дворником корпуса «Ц», а он – дворником корпуса «Ю». При каждом из корпусов нужен только один дворник, так что это для них как те два маленьких острова на рисунке. Но вот появилась новая школа, и там нужны два дворника. А это – так сказал Бьёрн – вроде третьего, большого острова. В новой школе решили устроить так, чтобы дети могли приходить туда после занятий и проводить время до самого вечера, а вечером школьные помещения будут открыты для родителей, если они пожелают там чем-нибудь заниматься.

Вот поэтому новой школе потребовалось два дворника. Правда, Бьёрн сказал не два, а полтора, то есть один с половиной. Если Эрле согласится туда перейти, то у них обоих освободится время для дома и для того, чтобы побыть с Гюро и Лилле-Бьёрном. Зелёная лужайка, которую он нарисовал на большом острове, означает, что там им будет жить лучше и веселее.

Гюро всё хорошо поняла, когда Бьёрн объяснил ей рисунок, и узнала, о чём собирается поразмыслить Эрле, но не стала с ней это обсуждать. Она только играла с пеньками возле хижины, помогала маме красить стены и немного играла на скрипке.

Эрле много думала о том, что сказал Бьёрн. Главное, что ей нужно было понять, – это достаточно ли она любит Бьёрна, чтобы решиться соединить с ним свою жизнь, а ещё она думала о том, как на это посмотрит Гюро. Ведь Гюро очень сильно любила своего папу. Вдруг ей теперь не понравится, что Эрле решила снова выйти замуж?

И вот однажды вечером Эрле решила серьёзно поговорить с Гюро. Гюро уже знала, о чём пойдёт речь, и ей не терпелось услышать, что скажет мама. Когда Эрле спросила Гюро, согласна ли она, чтобы они с Бьёрном поженились, Гюро ответила «да». Получив такой ответ, Эрле успокоилась и стала весёлой и приветливой, как всегда, и они обе были довольны и счастливы. Но самое лучшее Гюро ещё держала в секрете.

Бьёрн сказал ей перед тем, как они с мамой уехали в хижину, что приедет к ним с Лилле-Бьёрном в субботу, и попросил Гюро, чтобы, если всё будет складываться хорошо, она сыграла на скрипке мелодию, которая так пришлась ему по душе, – отрывок из «Нового Света» Дворжака.

Звуки скрипки встретили обоих Бьёрнов издали, по дороге к лесной хижине. Они несли с собой добрую весть, что Эрле и Гюро согласны поселиться вчетвером в новом доме при школе.

На следующий день они все вместе уехали в Тирилтопен. Но Эрле не могла так сразу – взяла и переехала. Сначала ей нужно было уволиться с работы в корпусе «Ц» и дожидаться, когда на смену ей придёт новый дворник.

Бьёрн уже переехал в новый дом. Он уволился задолго до этого, ещё весной, и сейчас жил в домике дворника совсем один. Лилле-Бьёрна забрала на каникулы его мама, и он должен был вернуться лишь через несколько недель, но Бьёрн без него не скучал.

– Ничего! – сказал он. – Поживу пока немножко один, зато потом мы будем тут вчетвером.

Пока он устроился в новом жилище не слишком удобно. Он перевёз туда только стол и два стула для гостиной. Старый диван пришёл уже в полную негодность, а кроме того, он решил, что пускай лучше Эрле и Гюро приедут со своими вещами, чтобы всё было у них так, как они привыкли. В большой спальне одиноко стояла его кровать, а две другие спальни вообще стояли пустые. Они были предназначены для Лилле-Бьёрна и Гюро, и Бьёрн собирался отремонтировать их к приезду детей.

Эрле предупредила Гюро, чтобы та никому в доме не рассказывала о том, что она скоро выходит замуж за Бьёрна.

– Давай уж раньше времени не выдавать этого секрета, – сказала она дочке.

Иногда бывало нелегко сохранять это в тайне. Люди спрашивали, почему Эрле решила уйти с этой работы, когда всё, казалось бы, идёт у неё хорошо. Она прекрасно справляется с работой дворника, и все в доме ею довольны. Но Эрле на всё отвечала только, что уходит по причинам частного характера и будет работать в другом месте. Труднее приходилось Гюро, когда с вопросами к ней обращались дети: она же не могла сказать, что тут были причины частного характера: ведь детям такие слова просто незнакомы.

Каждый день после работы Эрле и Гюро, захватив с собой бутерброды, уходили на лесное озеро купаться, иногда с ними шёл Бьёрн. С Бьёрном было весело. Он нырял, незаметно подплывал под водой, а потом вдруг выныривал рядом. Гюро пугалась и визжала, хотя и не то чтобы по-настоящему, а так – в шутку.

Однажды Бьёрн сказал, чтобы она держала его за шею, и заплыл с ней на середину озера. Гюро несколько не было страшно, ведь Бьёрн очень хорошо плавал, а она ехала сверху у него на спине и хотя была в воде, но держалась на поверхности. Было очень здорово смотреть, как блестит на солнце и играет зайчиками водная гладь, а от лёгкого ветерка по ней пробегает рябь.

Каждую неделю они на выходные выезжали куда-нибудь на природу, несколько раз съездили в хижину в Кюппене, но интереснее всего было, когда они побывали на слёте спиллеманов. Там они поставили палатку и целый день слушали музыку. В первый день на обед была сметанная каша, во второй – сосиски.

Сколько же, оказывается, есть людей, которые умеют играть на разных инструментах и танцевать! Гюро слушала и смотрела во все глаза. Особенно ей понравился один спиллеман, который играл и при этом ещё выделял разные штуки. Он приседал, подгибая коленки, прижимался щекой к скрипке и делал уморительные гримасы, то весёлые, то сердитые, то плутоватые. Он играл на скрипке, приплясывая, и делал так, что пальцы левой руки у него мелко-мелко дрожали. Так делали почти все спиллеманы, и Гюро, глядя на них, тоже попробовала перенять этот приём. Пробовала она и раскачиваться вверх и вниз, подгибая и распрямляя коленки, и скоро у неё тоже стало неплохо получаться.

И вот в один прекрасный день, когда Гюро упражнялась дома на скрипке, мама забежала на минутку с работы. В руке она держала что-то интересное.

– Гюро, – сказала мама, – тебе открытка от Сократа. Слушай, что он пишет: «Дорогая Гюро, я приеду в понедельник во второй половине дня. С приветом, Сократ».

И как же Гюро обрадовалась!

– В понедельник – это сегодня?

– Да, – сказала Эрле. – Но «во второй половине дня», а это может значить когда угодно. Наверное, они несколько дней добирались на машине из Фабельвика, а сегодня им предстоит последняя часть пути. Ты рада, Гюро?

– Ага, – только и сказала Гюро, спрятала скрипку в футляр и направилась к двери.

– Куда это ты? – удивилась Эрле.

– Встречать Сократа.

– А я думала пойти к Бьёрну полдничать, – сказала Эрле. – Разве ты не пойдёшь со мной?

– Сегодня нет. Сегодня приезжает Сократ.

– Ну что ж! Тогда бери с собой бутерброды и поешь на улице. Только смотри, чтобы оса не села на хлеб.

– Я подую, и она улетит.

Гюро вышла на двор и села у подъездной дорожки, а Эрле забрала свои бутерброды и отправилась к домику возле новой школы. На полпути от корпуса «Ц» к корпусу «Ю» она встретила с председателем правления кооператива. Он сердился на Эрле за то, что она решила бросить работу дворника.

– Сколько споров было, принимать ли вас на работу! – сказал он. – Я и сам, по правде сказать, был тогда против, но некоторые члены совета очень горячо вас отстаивали. А теперь уже прошёл год испытательного срока, все вами довольны, и тут вы вдруг всё бросаете! Неужели только из-за того, что я не согласился поставить во дворе сделанную вами скамейку?

– Ну что вы! – сказала Эрле. – Мне здесь всё очень нравилось, и мне даже самой жаль, что приходится отсюда уходить, но я знаю, кто мог бы меня заменить. Это Кнут. Он знает тут всё вдоль и поперёк и не раз помогал мне в работе.

– Надо же какое совпадение! – сказал председатель правления. – Я только что получил письмо от Эдварда Теге, в котором он пишет... Вот послушайте: «Поскольку от нас уходит наш

замечательный дворник Эрле, я горячо рекомендую вам принять на это место Кнута. С тех пор как я переехал в Тириллтопен, мне всё это время в разных хозяйственных делах оказывал помощь Кнут, хотя в то время он был ещё далеко не взрослым мужчиной. Именно Кнут помог мне разобраться в прачечной, когда я по незнанию прокипятил все наши шерстяные вещи. Также он по собственному почину взял на себя часть работ садовника и ухаживал за кустами и деревьями, которые мы тут посадили. Дайте ему возможность попытаться у нас свои силы!» Этот Кнут же ещё совсем мальчишка! – сказал председатель правления. – Если кто-то расшумится, он не сможет утихомирить скандалистов.

– А я думаю, он справится, – не согласилась Эрле. – Кроме того, он ходил на технические курсы, так что в котельной разбирается гораздо лучше, чем я.

– Вы всё-таки ещё раз хорошенько всё прикиньте на случай, если вдруг передумаете уходить, – сказал председатель правления. – Если дело в этой скамейке, то, пожалуйста, ставьте её весной, если хотите.

– К сожалению, я никак не могу переменить своё решение, – сказала Эрле. – Но насчёт скамейки это неплохая идея. Лучше уж поставили бы вы не одну, а сразу несколько, чтобы людям было где посидеть летом на воздухе.

С этими словами она продолжила свой путь, который вёл в домик школьного дворника. Как они и договорились, там её ждал Бьёрн, но что-то он был невесёлый.

– Здравствуй, – сказала Эрле. – Я не помешала?

– Да нет, – ответил Бьёрн. – У меня как раз обеденный перерыв.

На этом он умолк и сидел с сумрачным видом.

Не понимая, что случилось, Эрле стала рассказывать о своём разговоре с председателем правления.

– И что ты ему ответила? – спросил Бьёрн.

– Как – что? Я сказала как есть – я перехожу работать в другое место, – с улыбкой ответила Эрле.

Но Бьёрн не улыбнулся в ответ. Он сказал:

– Надо было соглашаться, Эрле... Я тут сидел и всё думал.

– И о чём же ты так задумался? – спросила Эрле уже без улыбки.

– Я думал о том, что ты совсем не знаешь, за какого человека собираешься выходить замуж, – сказал Бьёрн. – Летом мне всё казалось прекрасно, и я был очень счастлив, но теперь вот задумался.

– Ты пожалел о своём решении? – спросила Эрле. – Может быть, ты понял, что не хочешь на мне жениться? Тогда так и скажи!

– Да нет же, – сказал Бьёрн. – Честное слово, дело не в этом! Я только говорю, что ты совсем не знаешь, за какого человека собираешься выходить замуж. Вот это меня и мучает.

– Так за какого же человека я собралась выходить замуж? – спросила Эрле.

– Сейчас попытаюсь тебе объяснить, – начал Бьёрн. – Когда я остался один после того, как моя жена влюбилась в другого человека, для меня всё словно рухнуло. Я запил, ввязывался в драки, один раз меня даже арестовала полиция. Многие знают, как я вёл себя в это время. И вот я задумался, вдруг ты от кого-то об этом услышишь. Или услышит Гюро, или Лилле-Бьёрн. Я потерял в себе уверенность. Но вот я тебе рассказал, и ты, наверное, решишь, что я не гожусь тебе в мужья. Как видно, лучше уж мне жить одному, а Лилле-Бьёрн будет иногда ко мне приезжать, как раньше.

– Нет, Бьёрн! – сказала Эрле. – Если в этом всё дело, то не стоит об этом и говорить. Что было, то прошло. Всякому, наверное, случалось иногда совершать что-то такое, о чём потом не хочется вспоминать. Одни за это попадали в тюрьму, другие – нет, но, насколько я тебя знаю, с тобой этого не приходится опасаться. Ты всегда хорошо работал, прекрасно

относился к Гюро и ко мне с первого же дня, как мы переехали в Тириллтопен. Я считаю, что знаю тебя достаточно хорошо.

– Это точно? Ты точно уверена, что тебя не пугает то, что ты обо мне узнала?

– Да. Наверное, главное в жизни – это чтобы мы друг другу помогали. Если мы будем жить дружно, то, думаю, всё остальное приложится. Но ты всё же поговори об этом и с Лилле-Бьёрном. Он уже вполне способен понять, что одинокий и несчастный человек может иногда натворить глупостей.

– Поговорю, – сказал Бьёрн. – Теперь у меня уже не так тяжело на душе, как было до твоего прихода.

– Скоро уже я приду сюда, чтобы остаться навсегда, – сказала Эрле. – Назначенный день не изменился?

– Возникло одно затруднение, – сказал Бьёрн. – Пару недель назад я ходил договариваться с пастором. Он говорит, что раз я был женат и развёлся, то венчать нас не положено. Он мог бы нам посоветовать одного священника, который, наверное, согласился бы, но мне это показалось как-то неправильно.

– Значит, распишемся в ратуше, – сказала Эрле. – Знаешь, Бьёрн, если мы оставим для свадьбы ту же дату, которую выбрали, то в этот день в соборе будет церковный концерт и я бы хотела пойти туда с Гюро и Лилле-Бьёрном.

– И часто ты ходишь в церковь? – спросил Бьёрн.

– Нет. Но я привыкла каждый вечер беседовать с Богом. И мне кажется, что именно в этот день нам нужно напомнить ему о себе.

– Значит, пойдём. День будет отличный. А гостей мы позовём, когда приведём всё в порядок. Скажи, какого цвета стены хотела бы Гюро?

– Она сказала, что ей хочется, чтобы они были такого же зелёного цвета, как то платье, которое мне на прошлое Рождество подарила Тюлинька.

– Помню. То самое платье, которое ты надевала на свадьбу Тюлиньки и в котором ты танцевала мазурку в лесном домике.

– Ой! Мой обеденный перерыв давно закончился, – спохватилась Эрле. – Мне пора бежать. Так теперь всё в порядке, Бьёрн?

– Всё в порядке, – сказал Бьёрн и от души расцеловал Эрле, прежде чем отпустить её в корпус «Ц».

Трое детей и два банана

Сидя перед подъездом, Гюро ждала, когда Эрле вернётся от Бьёрна.

– Сократ ещё не приехал, – сообщила она.

– Теперь уже, наверное, скоро, – сказала Эрле.

– Можно мне сказать Сократу? – спросила Гюро. – Больше никому, только Сократу!

– Что сказать? – не поняла Эрле.

– Ну, про то, что мы выходим замуж и переезжаем?

– Конечно, можно сказать Сократу, – разрешила Эрле. – Тем более это уже скоро и мы потихоньку начнём собираться. В магазине мне дали много картонных коробок, а завтра я пойду договариваться с хозяином грузовика. Ну, с тем, который живёт в лесу. Помнишь?

– С папой восьмерых детей? – спросила Гюро. – А нас с Сократом возьмёшь с собой?

– И вас, и, может быть, Лилле-Бьёрна, – сказала Эрле. – Он сегодня тоже должен вернуться после каникул. Скоро ведь начинаются занятия в школе.

И тут к дому подъехало такси. Оно привезло не Сократа, а Тюлиньку и Андерсена. Они уезжали на всё лето и провели это время в родном доме Андерсена на берегу моря.

Тюлинька привезла с собой множество банок с вареньем, яблок и слив и ещё полный рюкзак чего-то.

Андерсен привез сундук и моряцкий мешок, так что такси было битком набито вещами.

– Тут и наша помощь пригодится, – сказала Эрле.

– Здравствуйте, здравствуйте! – сказала Тюлинька. – И кто же это тут нас встречает? Неужели это Гюро такая большая или это какая-то другая девочка?

– Это я! – крикнула Гюро.

– Посмотри-ка, Андерсен! Оказывается, это Гюро. Как же она выросла за лето!

– А ты, поди, и не узнала дедушку Андерсена, забыла его за лето, – заворчал Андерсен.

– Да узнала я! И Тюлиньку узнала, она нисколько не выросла.

– Поможете нам донести вещи до лифта? – попросила Тюлинька. – А то одним нам не справиться. Сама не знаю, как у нас набралась такая уйма вещей. Андерсен захватил кое-что на память из дома, сестра ему разрешила взять, а этот сундучок ходил с ним в самое первое плавание. Представляете себе, я каталась на моторной лодке и сама правила, только мотор заводить так и не научилась. Я ловила рыбу, сама собирала с дерева сливы и лазила за ними на лестницу. Когда твоя свадьба, Эрле?

– В пятницу, – шёпотом сказала Эрле. – Но мы это держим в секрете, так что говори потише.

Тюлинька закрыла себе рот ладонью и закивала.

Гюро и Эрле помогли Тюлиньке и Андерсену перетаскать к лифту все вещи, проводили их наверх, на тринадцатый этаж, и, прежде чем спуститься вниз, ещё посидели у них за разговорами. Выйдя на улицу, Гюро увидела перед домом синий автомобильчик с красными крыльями. Он приехал как раз, пока её не было. Она снова бросилась в подъезд, нажала на кнопку лифта и поехала на девятый этаж, но, когда приехала, папа Сократа сказал:

– Здравствуй, Гюро! Рад тебя видеть. А Сократ только что отправился к тебе вниз.

– Ой! – воскликнула Гюро.

Она побежала к лифту и поехала обратно, на первый этаж.

Высочив на улицу, она увидела Сократа. Он разговаривал с Эрле и всё время поглядывал на дом так, словно Гюро спустится к нему на двор по стене! Гюро так и кинулась ему навстречу, но, подбежав ближе, уже спокойным шагом подошла к Эрле и, встав рядом с ней, посмотрела на Сократа. Сократ перестал говорить с Эрле и тоже молча стал глядеть на Гюро. Ни Гюро, ни Сократ ничего не говорили, потому что очень уж давно не виделись. Сократ немножко

изменился: волосы у него стали короче, на нём была новая рубашка, а кроме того, у него выпал один зуб.

– Как хорошо, что ты пришла, Гюро, – сказала Эрле. – А то Сократ уже собирался снова подняться наверх. Он оставил у нас свою скрипку. Как вы – погуляете или посидите дома?

– Посидим дома, – хором ответили Гюро и Сократ.

– Хорошо. А я пошла в прачечную, привести в порядок гладильную установку, но попозже мы пойдём, куда я говорила, а потом, как ты знаешь, Гюро, нам надо укладывать вещи.

– Вы куда-нибудь уезжаете? – спросил Сократ, когда они остались одни.

– Нет, – сказала Гюро. – Мы только переезжаем в другой дом.

– Ты больше не будешь тут жить? – испугался Сократ. – Тогда я уеду в Фабельвик.

– Мы будем недалеко, в доме при школе, – сказала Гюро. – Потому что мы с Эрле женимся с Бьёрном и с Лилле-Бьёрном, и ты можешь к нам туда приходить. Там у нас будет отдельная комната, чтобы упражняться на скрипке, а сейчас мы поупражняемся тут. Я столькому без тебя научилась и тебе покажу! Ты много упражнялся летом?

– Упражнялся, – сказал Сократ. – А ещё я, хотя не очень умею, уже играл в оркестре, и Аврора тоже. Она начала учиться на виолончели. Сначала слушать было противно, но сейчас она уже немного научилась. В оркестре мы играли только одну ноту, а другие играли больше. Знаешь, там у них на севере музыкальная культура получила широкое развитие, – сказал Сократ. Это выражение он, наверное, подслушал у взрослых, а теперь повторял запомнившиеся слова.

– Ну да, – сказала Гюро. – А ты знаешь минор? Я тебе потом покажу, но сперва я сыграю тебе трудную пьесу, которую мне задал на лето Аллан. Её написал Гендель, вот она! – И Гюро заиграла.

– Красивая, – сказал Сократ, когда Гюро закончила.

– Это я не буду с тобой разучивать, – сказала Гюро. – Но вот другое ужасно важно. Я была на празднике спиллеманов и сейчас покажу тебе, как надо играть. Смотри на меня!

Она встала перед Сократом и заиграла простенький вальс, при этом она приседала, напружинивая колени, и раскачивалась влево и вправо, вперёд и назад, строя разные весёлые, сердитые и плутовские рожицы, и даже пыталась делать так, чтобы дрожали пальцы левой руки.

Сократ глядел на неё, вытаращив глаза и разинув рот.

– Здорово, Гюро! – сказал он, когда она закончила. – И всему этому ты научилась за лето?

– Ага! – подтвердила Гюро. – Я и тебя научу. Вот уж Аллан небось удивится, когда мы покажем ему на уроке!

– А можно раскачиваться и играть что попало? – сказал Сократ. – А то у меня не получится играть, когда надо помнить ещё столько всего другого.

– Конечно, можно, но только надо играть в ритме мазурки или так: «тарамта тарамта».

Сократ попробовал присесть и раскачиваться, он так старался, что покраснелся как рак. Ему было так весело, что он всё время улыбался. Он попробовал делать сердитое лицо, но вот дрожать левой рукой у него никак не получалось.

И тут зазвонил телефон.

– Моё терпение лопнуло, – произнёс в трубке чей-то голос. – Сначала кто-то долго упражнялся на скрипке, а теперь ещё это безобразие! Немедленно прекратите, а не то я пожалуюсь в правление!

– Всё, Сократ, больше не будем играть, – сказала Гюро. – Пошли теперь гулять.

И в эту минуту пришла Эрле и сказала:

– Кнут подменил меня пока на работе, и у нас есть время сходить в лесной домик. Если хочешь, Сократ, ты можешь пойти с нами, только сбегай домой, предупреди своих.

Сократ со всех ног помчался наверх.

– А разве Лилле-Бьёрн с нами не пойдёт? – спросила Гюро.

– Пойдёт. Вон он стоит и ждёт, когда мы подойдём, – сказала Эрле.

Гюро посмотрела туда, куда указывала мама. Там и правда стоял Лилле-Бьёрн, но по его виду нельзя было сказать, что он ждёт, когда они подойдут. Он смотрел совсем в другую сторону, а потом нагнулся и стал завязывать шнурки, хотя они и без того были завязаны.

– Лилле-Бьёрн немного стесняется, – сказала Эрле. – Понимаешь, он ещё не привык, что мы с ним одна семья.

Тут на всех парах примчался Сократ. В обеих руках он нёс по банану – один для Гюро, один для себя.

Когда они поравнялись с Лилле-Бьёрном, Эрле сказала:

– Скажи, Лилле-Бьёрн, ты можешь присмотреть за Гюро и Сократом, когда надо будет перейти через дорогу? Они сегодня такие взбудораженные и рассеянные, что мне одной за ними не угледеть.

Гюро немного удивилась, но Лилле-Бьёрн даже обрадовался поручению и взял обоих за руки. И тут Сократ сказал:

– А у меня только два банана.

– Ничего, мы поделимся, – сказала Гюро. – Я дам Лилле-Бьёрну половинку.

– И я тоже дам ему половинку, – весело подхватил Сократ.

Так у Лилле-Бьёрна оказались в руках две половинки банана, а между тем ему надо было держать за руки Гюро и Сократа. Тогда Лилле-Бьёрн недолго думая засунул обе половинки себе в рот, и они торчали у него из-под носа, как бивни у слона или клыки какого-то зверя. Сократ посмотрел на него и тоже засунул свою половинку себе в рот.

– Фейфаф мы ойём феез уаогу. Поффотри навево, Гюо, – бет там мафины? – Из-за бананов он почти ничего не мог выговорить.

– Бет, – сказала Гюро, ей тоже было трудно выговаривать.

– А фпава? – спросил Лилле-Бьёрн.

– Бет, – сказал Сократ.

– Огба пофли! – командовал Лилле-Бьёрн.

Перейдя через дорогу, Лилле-Бьёрн отпустил Сократа и Гюро. Это было очень кстати, потому что все трое снова могли взять бананы в руки, откусывать от них по кусочку и при этом ещё разговаривать.

– В лесу всё-таки попрохладнее, – сказала Эрле. – Но до чего же всюду высохла земля!

– Пойдите, пойдите! – слышался чей-то голос.

Голос был только один, но навстречу приближались двое. Это были Тюлинька и Индивид. Бежали они оба, кажется, во весь дух, но Индивид всё-таки опережал Тюлиньку и вёл в этой гонке.

– Спрячьтесь за дерево, – сказала Эрле, – а то он с разлёту сойдёт с вас с ног.

Сама Эрле приняла такую стойку, чтобы выдержать натиск Индивида. Он налетел как ураган. Хорошо, что Эрле приготовилась его встретить, потому что он так и кинулся ей на плечи. Такой уж характер был у Индивида: ему мало было просто поздороваться, он любил приветствовать друзей «от души». На радостях он ещё немного попрыгал, а потом успокоился и позволил Эрле погладить себя по спине. Тогда Гюро и Сократ тоже вышли из укрытия, но Лилле-Бьёрн всё ещё не показывался.

Эрле стала оглядываться по сторонам и увидела его в гуще леса. Он стоял за деревом, обхватив руками ствол, и не делал попыток выйти на открытое пространство.

– Лилле-Бьёрн, наверное, не привык к собакам, – шепнула Эрле Тюлиньке. – Лучше тебе взять Индивида на поводок.

Они продолжили путь и шли, разговаривая о том, кто как провёл лето, и, когда Лилле-Бьёрн наконец решился подойти, Эрле сказала:

– Лилле-Бьёрн, возьми-ка ты у Тюлиньки поводок, а то у неё руки устали держать Индивида.

Лилле-Бьёрн подошёл не очень уверенно, но, присмотревшись к Индивиду, понял, что тот ведёт себя послушно и морда у него добрая. Просто он был очень большой и слишком бурно проявлял радость при встрече с друзьями. Сейчас он, к счастью, утомился, и Лилле-Бьёрн взял в руку поводок. Индивид отнёсся к этому совершенно спокойно.

– Вот и хорошо, – сказала Тюлинька. – Я решила вывести его сегодня на прогулку, ведь мы с ним так давно не виделись. Можете себе представить, как он обрадовался, когда я пришла! Он же сидел в квартире один. Я даже испугалась – в таком он был восторге.

По виду Тюлиньки легко было представить себе, как ей обрадовался Индивид: волосы её были растрёпаны, а юбка вся перемята. По крайней мере, она осталась жива и здорова, а все последствия бурной радости Индивида были вполне поправимы.

Гюро и Сократ, Лилле-Бьёрн и Индивид шли впереди. Лилле-Бьёрн сказал:

– Хорошо бы Мортен был дома! Мы с ним будем ходить в один класс, потому что в большой школе, где он раньше учился, ему не понравилось.

– Лилле-Бьёрн будет ходить в новую школу, в ту, рядом с которой я буду жить, – сказала Гюро Сократу.

– Ага, – кивнул Лилле-Бьёрн. – Я буду жить у папы, потому что мама уходит в море с Коре.

– С Коре? – спросила Гюро.

– Да. Это мой второй папа, – сказал Лилле-Бьёрн. – У меня два папы, но Коре не родной, родной папа – Бьёрн.

– И у меня почти так же, тоже два папы, – сказала Гюро. – Первый папа, который умер, и папа Бьёрн. А у тебя будет две мамы, потому что моя мама теперь немножко и твоя.

– Ага, вроде того, – сказал Лилле-Бьёрн. – А ну, побежали – кто первый!

Индивид так и рванулся вперёд с бешеной скоростью, но Лилле-Бьёрн, Сократ и Гюро не уступали ему в прыти.

Вода

Гюро, Сократ, Индивид и Лилле-Бьёрн первыми подошли к домику в лесу. Остановившись у ворот, они ждали, когда подойдут Эрле и Тюлинька.

– Есть кто-нибудь дома? – громко спросила Эрле.

Они уже поняли, что хозяева здесь. Во-первых, все сразу заметили красный грузовичок. Его кузов, казалось, ещё больше покосился на одну сторону. Видно было, что летом грузовичку пришлось основательно потрудиться. Он возил ящики, и рулоны бумаги, и тяжёлые картонные коробки – чего только не перетаскал в своём кузове этот трудяга, работая день напролёт, да ещё каждый вечер он непременно заезжал на заправочную станцию. Но не для того, чтобы заправиться бензином. Иногда, конечно, когда бывало нужно, он заправлялся, но не каждый день. Нет, на заправочной станции он загружался двумя большими бочками воды и отвозил их домой в лес. Там от жары пересох колодец, а корова Роза и Бычок каждый день выпивали на двоих целую бочку воды. Людям тоже нужна была вода для питья и для того, чтобы сварить обед, вода для мытья посуды, да и полы ведь тоже требовалось мыть.

Сегодня грузовичок привёз ещё больше бочек с водой, потому что в лесном домике затеяли большую стирку. Стиркой были заняты все: стирал папа, стирала мама и бабушка тоже стирала. У каждого было корыто с водой, мыло и стиральная доска, на которой тёрли вещи. Рядом стояли лоханки и тазы, куда старшие дети ведрами разливали воду из бочки.

– Пришлось сегодня приняться за большую стирку, – объяснила хозяйка. – Ребятишкам скоро идти в школу.

– Я буду ходить в новую школу, – сразу же начал Мортен.

– И я тоже, – сказал Лилле-Бьёрн. – Папа сказал, что я, наверное, попаду с тобой в один класс. Он поговорил с директором, и тот согласился.

– Здорово! – сказал Мортен. – В той школе, куда я ходил раньше, было много драчунов, они всё время задирались. Я сам очень сильный, но, по-моему, это глупо – чуть что лезть в драку.

– Видишь, Лилле-Бьёрн, ты придёшь в школу, где у тебя уже есть знакомый мальчик, – сказала Эрле. – Знаешь, нам полезно посмотреть, как люди стирают, потому что в новом доме, где мы будем жить, нет стиральной машины, и купить её мы тоже сразу не купим, на первое время нам и без того придётся много чего покупать. Зато в подвале есть настоящие чаны для стирки и водопровод с холодной и горячей водой, так что нам будет гораздо проще стирать, потому что не надо ездить за водой.

– У нас вон машина есть, да нет воды, – сказала бабушка. – А у тебя есть вода, а нету машины. Нам машину Антон подарил. Когда-то давно он попросился, чтобы на Рождество ему уступили этот дом, потому что он жил в нём, когда был маленьким. Это он подарил нам Розу, а на следующий год прислал стиральную машину.

– Мы назвали эту машину Эсмеральдой, – сказала девочка, которую звали Мари.

– Это да, – подтвердила бабушка. – Но пользовались машиной всего-то один разок, когда было много гостей. Все уработались до изнеможения, пока качали воду для машины, так много ей требуется для полоскания. Так что теперь у нас Эсмеральда стоит в шали и в шапочке только для красоты.

– И ещё держит на голове блюдо с фруктами, – добавила Мари.

– Видела я вашу машину, – сказала Эрле. – Знаете, я ведь пришла к вам по делу и хотела кое-что спросить. Понимаете, нам с Гюро через несколько дней предстоит переезд, вот мы и пришли узнать, не может ли ваш папа приехать на своём грузовичке и помочь нам.

– Отчего же не помочь, – сказал хозяин, – если только вы согласитесь, чтобы я перевозил вас вечером, в дневное время я всегда в разъездах.

– Конечно, согласны, – обрадовалась Эрле.

– Я знаю, что это секрет, – сказала бабушка. – Но я слыхала, что ты выходишь замуж. Об этом говорили у вас в магазине.

– Да, это правда. И переезжать мне недалеко – всего лишь до новой школы.

– Мы были в городе и видели этот домик, – сказала бабушка. – Нам он очень понравился.

А Гюро, Сократу, Лилле-Бьёрну и Мортену было не до того, чтобы слушать разговоры взрослых. Они носились по двору наперегонки с Самоварной Трубой и Индивидом. Потом Мортен позвал их в дровяной сарай и кое-что там показал. В сарае хранились сложенные в поленицы дрова, но посередине стояла маленькая кровать. Кровать была необычная, на низеньких ножках и с низенькими бортиками по краям, но всё же видно было, что это кровать.

– Для кого она сделана? – спросила Гюро. – Для маленького ребёночка?

– Нет. Это для Самоварной Трубы. Раньше она спала в бочонке возле печки. Мы подкладывали на дно много бумаги, чтобы ей было повыше лежать. А теперь она стала старенькая, и ей уже так высоко не запрыгнуть, вот мы с бабушкой и сделали для неё лежанку, осталось только покрасить. Мы подложим ей туда матрасик и её любимое одеяло, но она ещё про это не знает.

– Вот здорово! – сказала Гюро. – А в какой цвет вы покрасите кровать? В зелёный?

– В красный, – сказал Мортен. – Самоварная Труба у нас чёрная, и красный цвет ей больше к лицу.

Ещё в сарае стояла на полке целая батарея пустых банок из-под консервов. Там были маленькие и большие баночки, баночки из-под рыбных котлет и тресковой икры.

– А для чего тебе консервные банки? Для краски? – спросила Гюро.

– Нет, для другого, – сказал Мортен.

Все заглянули, что же там такое хранится, и увидели, что в банках на доньшке было немного воды.

Взглянув на банки, Мортен вышел за дверь, посмотрел, что там делается, и вдруг сказал:

– Погодите, я сейчас.

Взяв одну банку, он перешёл через двор и вышел за ворота. Мимо в это время проходили какие-то люди, похоже, туристы. Затем дети увидели, как Мортен к ним подошёл, о чём-то поговорил. Отдав прохожим консервную банку, он вернулся в сарай.

– Зачем ты дал им консервную банку? – спросил Лилле-Бьёрн.

– Да вот предупредил их, чтобы они, если станут курить, не бросали бы окурки на землю, а гасили их в банке. В лесу так сухо, что недалеко до пожара.

– Бедняга Мортен совсем замучился в нынешнюю сушь, – сказал его отец. – Он, кажется, решил смотреть за всем, что делается в лесу. Помните, в начале лета у нас тут случился лесной пожар? Неудивительно, что он боится, ведь мы живём среди леса.

– С тех пор он такой нервный, – сказала бабушка. – Вечером я сижу с ним и разговариваю, чтобы он мог успокоиться и заснуть. Я напоминаю ему, что Ларс дежурит на сторожевой башне, а над лесом летают вертолёты. Они стерегут лес от огня и смотрят, чтобы люди не жгли костров.

– Хоть бы уж наконец дождик пошёл! – вздохнула мама Мортена. – Ведь без дождя достаточно солнечному лучу попасть на какую-нибудь стекляшку от разбитой бутылки, чтобы случился пожар.

Мортен ещё побыл с остальными детьми в сарае, пока они рассматривали кровать для Самоварной Трубы, но тут его позвала бабушка:

– Я кончила полоскать, можешь забирать воду, она почти чистая.

Мортен подбежал к бабушке, схватил таз с водой и понёс его к своей ёлочке, которая росла в ограде. Он бережно полил деревце сверху и под корнями. Гюро увидела, что и Милли тоже забрала лоханку с водой и понесла на огород.

– Мы всё лето так делаем, – сказала бабушка. – Следим, чтобы ни капли воды зря не пропало, и стараемся пользоваться только таким мылом, которое не вредно для почвы.

Лето было такое засушливое, что трава за оградой совсем пожелтела, а на дворе она стояла зелёная, и грядки на огороде выглядели так, словно и не было никакой засухи.

– Вот и нам в корпусе «Ц» надо было так поступать, – сказала Эрле. – Если бы мы все помнили, что вода не должна пропадать зря, мы не выливали бы её в канализацию и каждый поливал бы какой-нибудь кусочек двора. Поливать из шланга в этом году разрешается только через день с девяти до двенадцати вечера, а этого для растений мало.

– В прежние времена мы экономили воду, – сказала бабушка, – и неплохо бы и сейчас об этом вспомнить.

– Я думаю, как бы мне убедить людей, чтобы они так поступали, – высказала свои мысли Эрле. – Мы-то уезжаем из корпуса «Ц», но хотелось бы, чтобы кусты и деревья не погибли. Ведь и на будущий год опять может случиться засушливое лето. Кнут, конечно, будет стараться, но разве он один справится? Надо, чтобы и другие помогали по мере сил.

– Я расскажу об этом папе, – сказал Сократ, когда они шли домой.

Он так и сделал, а папа Сократа не поленился поговорить с другими. Он поговорил не только с соседями из корпуса «Ц», но и с жильцами корпуса «Ю». И на следующий день произошло небывалое: люди стали выходить из подъезда не только с сумками и тележками для продуктов, как это было раньше, а почти каждый нёс с собой ведёрко или лейку и, выйдя на двор, выливал воду под какой-нибудь кустик или деревце, а то и просто на траву.

Люди поздновато спохватились, но всё-таки это было лучше, чем никогда. И, почувствовав всеобщую заботу, кусты, деревья и трава – всё, что тут росло, – воспрянули духом. Больше всех наносили воды Гюро и Сократ, но под конец они ужасно устали и промочили ноги, потому что трудно было донести воду, ничего не расплескав.

– Сегодня я не приду к тебе после обеда, – сказал Сократ, – мы собираемся поговорить по секрету с другими жильцами.

– Ладно, – сказала Гюро и ушла домой. Там стало как-то пусто и непривычно, потому что мама сняла со стен все картины и убрала мелкие вещи в картонные коробки.

Вдруг раздался звонок в дверь. Это пришёл Аллан:

– Привет, Гюро! Я знаю, что вы переезжаете, и решил дать тебе напоследок урок.

Гюро очень обрадовалась. Наконец-то она покажет Аллану, чему научилась за лето, потратив на это столько трудов! Она встала, как старый спиллеман, согнула ноги в коленях, лихо вскинула на плечо скрипку и принялась играть, приседая, и раскачиваясь, и строя удивительные гримасы.

Аллан воззрился на неё с удивлением, а затем расхохотался:

– Что это ты вдруг выдумала, Гюро?

– Я была на состязании спиллеманов.

– И неужели они там все так делали?

– Нет, только один. Но на него было так интересно смотреть.

– Знаешь, у некоторых старых спиллеманов скрипка стала словно продолжением их руки, – сказал Аллан, – и, что бы они с ней ни выделявали, у них это получается здорово. Но другие наверняка стояли спокойно и тоже играли неплохо, так ведь, Гюро? Вот и тебе, по-моему, лучше просто играть на скрипке, а иногда для развлечения можешь, если хочешь, изображать из себя старого спиллемана.

– Хорошо, – сказала Гюро, хотя ей это и не очень понравилось. Она-то думала, что Аллан её похвалит! Но скоро она забыла о пережитом разочаровании. Ведь летом она трудилась и над другими вещами – играла гаммы, разучивала трудную новую пьесу.

– Вот это хорошо, Гюро! Теперь я вижу, что ты даже на каникулах не забывала про скрипку. А то, что ты называешь трудной пьесой, – это отрывок из оперы Генделя, и я бы очень хотел, чтобы ты как-нибудь её послушала в исполнении хора и оркестра. Сама увидишь, какая она замечательная.

– Ага, – согласилась Гюро.

Ни она, ни Аллан тогда ещё не знали, что в скором времени будут слушать эту оперу вместе.

Переезд

Рано утром Эрле объявила:

– Сегодня мой последний рабочий день на этом месте, но мы, как всегда, выйдем на утреннюю пробежку.

– Но когда ты выйдешь замуж, мы ведь тоже будем бегать? – спросила Гюро.

– Конечно, будем. Бьёрн любит начинать утро не спеша, раздумчиво. Он сказал, что будет готовить завтрак. А Лилле-Бьёрн вообще трудно встаёт и любит поспать подольше. Так что они будут только рады, если их никто не будет тормозить. Ну что? Побежали?

Гюро помчалась во весь дух, она бежала так быстро, что Эрле осталась далеко позади, но затем Гюро утомилась, и Эрле её нагнала. В конце прогулки они пошли спокойным шагом, и Эрле сказала:

– До обеда я работаю, а потом свободна. Вчера, когда ты легла, я ещё позанималась сборами, а сегодня нам придут помогать Тюлинька и Андерсен. Вечером за вещами приедет грузовик.

– На моём велосипеде есть багажник, – сказала Гюро. – Так что я тоже могу что-нибудь перевезти. У Сократа багажника нет, но он всё равно будет возить.

– Вот и хорошо. Будем помогать друг другу, и всё у нас получится.

– А спать мы сегодня будем в новом доме?

– Нет. Сегодня мы будем спать здесь, хотя наши кровати уже уедут.

– А где мы ляжем – на полу?

– Нет. Эви одолжит нам раскладушки, как тогда, когда мы приехали в корпус «Ц», а мебельный фургон с вещами не пришёл. Помнишь?

Когда они вернулись с пробежки, дома уже хлопотали Тюлинька и Андерсен, они укладывали чашки и стаканы. Хорошо, что они не успели упаковать те чашки, стаканы и тарелки, которые были приготовлены на столе, и Гюро с Эрле смогли позавтракать. Затем Эрле переоделась в комбинезон и отправилась на работу, а Гюро тоже стала укладывать вещи. Потом пришёл Сократ.

– Мы с Сократом будем играть в грузчиков, – сказала Гюро. – И сейчас мы погрузим вещи и поедem на школьный двор.

– Так и быть, поезжайте, – разрешила Тюлинька. – Но смотрите, чтобы ехать только по тротуару! Обещаете?

– Обещаем. Мы будем играть, как будто мы едем по мостовой, как настоящие мебельные фургоны, а на самом деле будем ехать по тротуару.

– Может быть, начнёшь с игрушек? – предложила Тюлинька. – А скрипка пускай остаётся здесь. Возьмёшь её с собой, когда сама будешь переезжать.

– Ага, – кивнула Гюро. – Я заберу игрушки и папину фотографию. А ты, Сократ, можешь взять то, что лежит на кухне в самом нижнем ящике. Это деревянные ложки и другие вещи, которые не бьются.

Для Гюро это была лёгкая задача, ведь у неё был багажник. Сократу пришлось труднее. Сначала он попробовал пристроить мешочек на руль велосипеда, но тогда стало трудно поворачивать. В конце концов Тюлинька нашла выход: она вспомнила про рюкзачок, который был у Гюро, и дала его Сократу, тогда дело пошло на лад. Груз был большой, везти надо было осторожно, но спешить было некуда, и они не торопясь отправились к новой школе.

Подъехав к домику дворника, Гюро сказала:

– Это тут, Сократ. Тут я буду жить.

Она могла бы и не говорить этих слов, потому что Сократ уже не раз видел этот дом, но всё же она сказала.

А когда она подошла, чтобы открыть дверь, оказалось, что там заперто.

– Ну вот! – расстроилась Гюро. – Мы не можем попасть в дом, в котором я буду жить.

– Давай подождём, – сказал Сократ.

– Нет, давай пойдём на школьный двор и поищем Бьёрна, – предложила Гюро. – А велосипеды пускай тут постоят.

– Аврора уже учится тут, – сказал Сократ. – Так что это немножко и моя школа.

– Ага, – кивнула Гюро. – А на будущий год мы с тобой тоже пойдём сюда учиться.

Они отправились на школьный двор. Там стояла тишина. Сократу понравилось, что здесь такая большая открытая площадка, и он стал бегать по ней вприпрыжку. И тут раздался звонок. Это означало, что в школе закончился урок и началась перемена. И вот что удивительно: только что стояла такая тишина, что не было слышно ни звука, и вдруг тишины не стало. Из всех трёх дверей здания толпой высыпали дети. Были среди них и большие, они чуть было не свалили с ног Гюро и Сократа. Были и маленькие. Они тоже бегали, а некоторые стояли в сторонке, словно хотели спрятаться, и все галдели и кричали. Так, по крайней мере, показалось Сократу. Они кричали не оттого, что кто-то их обижал, а просто так, чтобы услышать свой голос.

– Пойдём туда. Может быть, там мы найдём Бьёрна.

Но Сократ не шёл. Он словно оцепенел, и Гюро поняла, что он испугался. Она взяла его за руку и увела со школьного двора.

– Ничего страшного, – сказала она. – Надо только смотреть, чтобы кто-нибудь нечаянно не сбил нас с ног. Давай лучше посидим пока на крылечке и подождём, когда придёт Бьёрн.

Они просидели долго, пока наконец не появился Бьёрн. Он был потный и разгорячённый, лицо и руки у него были перемазаны в машинном масле.

– Привет! Это вы?

– Мы приехали с первым грузом, – сказала Гюро.

– Да ну! А Эрле говорила, что до вечера можно никого не ждать. Мне как раз очень некогда, в котельной какие-то неполадки с горячей водой, а директор попросил меня починить развалившийся стол. Где же грузовик? Я не вижу никакой машины!

– Да нет же! – сказала Гюро. – Это мы сами привезли вещи.

И она показала на велосипеды.

– Ах вот оно что! Значит, это вы сами водители и грузчики! Теперь я понял. Хорошо, что я сюда наведалься, а то так бы и стояли перед закрытой дверью! Потом мы дадим тебе ключ, Гюро, чтобы у тебя был свой.

– Я привезла игрушки и папину фотографию, – сказала Гюро.

– Тогда придётся зайти в твою комнату. Я не хотел тебе показывать неотделанную и необставленную, думал сперва навести красоту и поставить кровать, чтобы всё было как полагается. Но ничего не поделаешь, придётся показать.

Сперва они вошли в небольшой коридор, там Бьёрн подошёл к нужной двери и открыл её. За дверью Гюро увидела зелёную комнату, как раз такую, как ей хотелось. Она была зелёная, как мамино платье. В комнате почти ничего не было. Была только одна, нет – две вещи. Там стоял ящик, на котором можно было сидеть, как на скамейке, и письменный стол.

– Ой, – удивилась Гюро. – Это чьё? Это будет моё?

– Да, – сказал Бьёрн. – Я сделал это для тебя ещё летом, и ты увидела их немножко раньше времени, но это не беда. Хочешь поставить папину фотографию на письменный стол?

– Ага. А игрушки положить на пол?

– Нет, для них есть удобное место в ящике, – сказал Бьёрн и откинул сиденье скамейки, как крышку.

– И это тоже ты сделал? – не поверила Гюро.

– Мы с Эрле вместе, – сказал Бьёрн. – И у Лилле-Бьёрна точно такой же стол, как у тебя. Хотите посмотреть?

На письменном столе Лилле-Бьёрна стояла фотография какой-то тётеньки.

– Это мама Лилле-Бьёрна, – сказал Бьёрн. – Так что у каждого из вас есть фотография человека, который вам дорог.

– Я поставлю и вашу с мамой фотографию, – сказала Гюро, – мама мне обещала, надо только подождать, пока она ещё не готова.

– Нам это будет очень приятно, Гюро. Мы непременно сфотографируемся, и у тебя будет наш снимок. А пока бегите домой! Завтра, Гюро, ты по-настоящему переедешь сюда.

Гюро и Сократ сели на велосипеды и отправились назад. Они приехали на площадку позади корпуса «Ц» и ещё поиграли, как будто их велосипеды – это настоящие грузовики, потом как будто это поезда, корабли и самолёты, а Гюро уезжает далеко-далеко. Сократ печально махал рукой, как будто её провожает, а потом они играли, что Сократ тоже уезжает, тогда ему не нужно было махать, и он во весь опор мчался на велосипеде вместе с Гюро.

Вечером дома у Гюро тоже творилось что-то необыкновенное. Приехал грузовик из леса и начал по частям увозить вещи. Сначала он забрал диван и стол. Больше ему было не взять за один раз. Он отвёз этот груз в домик у школы и вернулся за следующим. На этот раз он перевёз кровать Эрле и две табуретки и вернулся за раскладным диванчиком и второй кроватью, на которой спала Гюро. Тут ему на помощь подоспела ещё одна машина – синий автомобильчик с красными крыльями. Большие вещи он не мог забрать, зато бодро возил цветочные горшки, картины и вазы.

На водительском месте в автомобильчике сидел папа Сократа, а потом стал помогать и Нюссин папа. Его машина была побольше синего автомобильчика, и он смог забрать комод

и дровяной сундучок, в котором хранились палочки и ветки для выстугивания. А Нюссина мама принесла раскладушки и помогла Эрле вымыть полы в квартире.

– Сейчас тут хорошо для музыки, – сказала Гюро и достала скрипку, хотя был уже вечер.

– Сыграй ту пьесу, которую так любите вы с Бьёрном, – сказала Эрле, – а я немного посижу, отдохну.

Нюссина мама уже ушла домой, и они остались с Гюро одни.

Гюро начала играть, и скрипка в пустом помещении звучала громче, чем обычно.

Тут зазвонил телефон:

– Надеюсь, вы там недолго ещё будете развлекаться музыкой, потому что я жду гостей.

– Нет, недолго, – сказала Эрле. – Сегодня вы, наверное, в последний раз слушали нашу скрипку.

Эрле улыбнулась дочке, и Гюро сказала:

– Мы всегда будем жить дружно, и когда переедем к Бьёрну – тоже.

– Конечно, – сказала Эрле. – Только жить мы будем не у Бьёрна, а у себя дома. Это будет наш общий дом для тебя и меня, для Бьёрна и Лилле-Бьёрна. Может, заскочим туда сейчас ненадолго и поможем им расставлять вещи?

Бьёрн без них уже многое расставил. У Гюро в комнате стояла её кровать, а любимый раскладной диванчик разместился в большой подвальной комнате, в которой Гюро будет заниматься на скрипке и где, если надо, можно будет столярничать и вообще заниматься всем, кому что интересно. Рядом с большой комнатой была прачечная с двумя большими чанами, а за ней ещё кладовка для съестных припасов.

Из подвала они снова вернулись вверх.

Рядом с кроватью Бьёрна, которая раньше стояла в пустой комнате, теперь появилась вторая – это приехала кровать Эрле. Обе кровати оказались одинаковой длины и высоты, словно их нарочно делали одну другой под стать. Можно было подумать, что они так всегда и стояли рядышком! В комнате Лилле-Бьёрна уже стояла кровать, не хватало только самого Лилле-Бьёрна. Бьёрн сказал, что он приедет ещё только завтра.

– Ну и мы тоже, – сказала Эрле. – Пошли домой, Гюро!

– Дай-ка проверим, Гюро, напоследок, сколько в тебе было весу, когда ты ещё жила в корпусе «Ц»! – сказал Бьёрн и подкинул её высоко-высоко.

– Много я весила? – спросила Гюро.

– Ужасно много! – сказал Бьёрн. – Хорошо, что я такой силач.

Истинная правда

Квартира дворника в корпусе «Ц» так опустела, что даже телефон в ней стоял на полу. Ночью Гюро и Эрле спали на раскладушках.

– Доброе утро, Гюро! – сказала Эрле. – Завтрак я приготовила ещё вчера вечером. Давай поедим на раскладушках, кроме них сидеть больше не на чем.

Получилось даже интересно, как будто они туристы и живут в палатках.

– А в «Чёрного Петера» поиграем? – спросила Гюро.

– Нет, – сказала Эрле. – Сейчас не до игры.

Они позавтракали и встали. Эрле ушла наверх относить раскладушки к Нюсси. Они были такие лёгенькие, что Эрле отнесла сразу обе, по одной в каждой руке, затем сходила за матрасами и спальными мешками.

– Спасибо, Эви, что выручила нас, – поблагодарила Эрле, – и приходите завтра к нам в гости всей семьёй!

– Непременно придём, – сказала Эви. – Вспомни, не надо ли тебе в чём-то помочь. Может, мне взять к себе Гюро, пока ты будешь в парикмахерской?

– Нет, я туда не пойду. Я сама вымою голову, а волосы просохнут, пока я буду собираться. Вспоминай нас почаще в этот день и пожелай мысленно удачи!

– Обязательно буду вспоминать, ты же знаешь, я от души желаю вам счастья. Хорошо, что ты уезжаешь недалеко, мы всегда сможем повидаться.

– Конечно.

Эрле спустилась к себе на первый этаж, приняла душ, помыла волосы, ещё раз вытерла мокрой тряпкой пол в большой комнате и после этого надела своё нарядное зелёное платье.

Гюро уже ждала её в своём красном платье. Они на прощание оглядели комнату, и Эрле сказала:

– Спасибо за всё, что тут было!

И Гюро тоже сказала «спасибо».

Им вдруг стало грустно сказать «прости» этой квартире, потому что им в ней было хорошо.

– Я рада, что дворником будет работать Кнут, – сказала Эрле. – Он будет хорошо смотреть за домом. Ну, Гюро, пошли!

Никто не заметил, как они уходили. На дворе, правда, были дети из тех, что постарше. При виде Гюро и Эрле они сгрудились на углу дома у стенки. Наверное, они там что-то написали и сейчас заслоняли надпись, чтобы Эрле и Гюро не видели.

Эрле этого не заметила, а Гюро обратила внимание:

– Мама, они что-то написали на стене. Пойдём посмотрим?

– Да ну! Мы идём к Бьёрну.

Они пошли к зданию школы. Гюро обернулась и посмотрела на корпус «Ц». Дом знал, что они от него уходят. Не останавливаясь, Гюро через плечо помахала дому рукой.

Перед дверью дворничьего домика на маленьком флагштоке развевался флажок. На пороге их встретил Бьёрн. Он сегодня был во фраке, на нём была белая рубашка и галстук. Из-за спины Бьёрна выглядывал Лилле-Бьёрн.

– Здравствуйте! – сказал он Эрле и Гюро.

– А вот и мы! – сказала Тюлинька. – Мы тут троём – Андерсен, Аллан и я. Представляешь, Бьёрн взял напрокат большой автомобиль, мы все в нём поместимся... Скрипка с тобой, Аллан? – спросила она шёпотом.

– Здесь она, всё в порядке! – успокоил её Аллан.

– Ну что же, поехали? – сказала Тюлинька. – Бьёрн, ты не забыл купить букет для невесты?

– Как можно! – сказал Бьёрн. – Только я его не купил, а сорвал одну розу перед корпусом «Ц» и одну – перед корпусом «Ю» и в лесу набрал вереска.

– Какой красивый букет! – восхитилась Эрле. – Спасибо тебе, Бьёрн!

– И есть ещё один, – сказала Тюлинька. – Мама Лилле-Бьёрна прислала.

– Как же это любезно! – сказала Эрле. – Скажи ей от меня «спасибо», Лилле-Бьёрн, когда увидишь, а я сама поблагодарю её письмом.

– Ага, – кивнул Лилле-Бьёрн. Видно было, что он обрадовался. И он тут же убежал к себе в комнату, чтобы порадоваться без свидетелей.

– Знаешь что, Бьёрн, – сказала Эрле, – мне кажется, надо будет как-нибудь пригласить к нам его маму вместе с мужем. Лилле-Бьёрну это будет приятно, а я познакомлюсь с его мамой.

– Нет, мне так не кажется.

– Сам подумай. Подумай о мальчике, как он этому обрадуется.

– Перестань, пожалуйста, решать за меня.

Бьёрн так насутился, что Гюро даже испугалась – никогда ещё она не видела его таким сердитым. Она убежала к Лилле-Бьёрну.

– Эрле и Бьёрн друг на друга сердятся, – сказала она.

– Вот как? – сказал Лилле-Бьёрн совершенно спокойно. – Ссорятся по-настоящему? Это потому, что они теперь хорошо знают друг друга, а скоро вообще поженятся. Пойдём поглядим, как они там?

– Давай.

На всякий случай она взяла Лилле-Бьёрна за руку. Но, когда они вошли в комнату, Бьёрн уже перестал хмуриться. Он обнял Эрле:

– Вот видишь, как со мной трудно! Я подумаю над тем, что ты сказала.

– А мне не надо было так на тебя нападать. Обсудим это как-нибудь позже.

– Сейчас пришла телеграмма от сестры Бьёрна, – сказала Тюлинька. – Как жаль, что она в Америке и не может быть в этот день с нами! Ну, так поехали? Наверное, пора. А ты, Андерсен, застегни пиджак! Ты же должен быть свидетелем на свадьбе.

– Вот когда дойдёт до дела, тогда и застегну.

И вот они поехали в город. Бьёрн вёл машину, Эрле сидела рядом с ним. На заднем сиденье расположились Аллан, Андерсен и Тюлинька, а за ними, в самом заднем углу, – Лилле-Бьёрн и Гюро, потому что это была машина-универсал. Бьёрн хорошо сделал, что взял напрокат этот автомобиль – в его машине не поместилось бы столько народу.

– А сейчас мы пойдём в Городскую горницу – она принадлежит всем горожанам, так что и нам отчасти. Я взяла с собой фотоаппарат и купила к нему вспышку, так что снимки должны хорошо получиться. Гюро и Лилле-Бьёрн, представляете себе, сколько всего интересного нам сегодня предстоит! Сперва ратуша, потом завтрак в ресторане, а в завершение всего – концерт в церкви. Только вот нас с Андерсеном кое-что смущает.

– А что вас смущает? – спросила Эрле.

– Видишь ли, мы с ним привыкли днём ненадолго прикорнуть. Как вы думаете, на нас никто не обидится, если мы в ресторане под шумок немножко подремлем?

– И на здоровье! – сказала Эрле. – Понятно же, что вам нужно отдохнуть. Мы так рады, что вы согласились весь день провести с нами.

Они подъехали к дому, который называется ратушей, здание было громадное, с двумя четырёхугольными башнями. Перед ратушей был фонтан с большой чашей. Гюро очень хотелось потрогать рукой воду, но на это уже не осталось времени. Тюлинька сказала, что нужно скорей заходить.

Они очутились в большом зале с картинами на стенах. Картины были не маленькие, как дома у Гюро. Эти были во всю стену – с одной стороны и с другой, и в зале было очень просторно.

– Как же тут, наверное, хорошо танцевать! – сказала Тюлинька. – Иногда тут устраивают балы, но я на них никогда не танцевала, хотя это и мой танцевальный зал. А теперь, наверное, надо спросить у служителя, где мы – то есть, конечно, вы – должны жениться.

Эрле, глядя на Тюлиньку, улыбнулась. Тюлинька сегодня заметно нервничала. Оттого и говорила не умолкая. Служитель объяснил им, куда идти, – нужно было подняться по лестнице справа, чтобы попасть в зал Мунка. Туда, мол, и идите.

Они поднялись по лестнице. Лестница была не простая, а мраморная. Справа на следующем этаже оказалась комната ожидания, только не такая, где стоят неудобные стулья и всюду валяются газеты. Нет, это был небольшой зал с мягкими кожаными креслами. Там уже сидели пары, которые тоже пришли жениться.

Тут отворилась дверь в следующую комнату, и из неё вышли жених и невеста.

– Следующая пара – Унесен и Люрдал, – сказала женщина, которая открыла дверь.

Первая пара вошла, следом за ней ещё одна.

– Они что, все четверо женятся? – спросила Гюро.

– Нет, вторые – это свидетели, – сказала Эрле.

Гюро покаталась на кресле. Оно было кожаное и скользкое. Если сесть на самый краешек, то соскальзываешь по нему на пол. Гюро проделала это много раз подряд – она соскальзывала и снова забиралась на кресло. Вызывали пару за парой. Тюлинька всем говорила поздравления, а потом ещё о чём-то шепталась. Все пары остались ждать в сторонке.

Наконец женщина, открывающая дверь, сказала:

– Эрле Люнгмю и Бьёрн Хагар.

– Это нас, – сказала Тюлинька.

Они встали, и все вместе вошли. В этой комнате за большим столом сидела тётя в чёрной мантии. Напротив неё стояло два стула. Она предложила Эрле и Бьёрну сесть за стол.

– Эрле Люнгмю – это вы? – спросила она у Эрле.

– Да, – ответила Эрле.

– Бьёрн Хагар – это вы? – спросила она у Бьёрна.

– Так точно, – ответил Бьёрн.

Тётя встала и сказала:

– Итак, вы оба приняли решение строить жизнь вместе?

Эрле и Бьёрн дружно кивнули.

Тогда тётя сказала, что, если они сдержат данное сегодня друг другу обещание, это будет на радость им самим и всему обществу, и ещё много чего другого. Гюро показалось, что тётя тоже рада тому, что Эрле и Бьёрн решили пожениться. Под конец она спросила Эрле, хочет ли она взять Бьёрна в супруги, и Эрле очень отчётливо сказала, что да. Тогда она спросила Бьёрна – хочет ли он взять в супруги Эрле, и он тоже ответил негромко, но очень отчётливо, что да. И после этого они стали мужем и женой, и им осталось только поставить свою подпись на какой-то бумаге. Тюлинка фотографировала, как они сидят и как стоят, и на этом, кажется, всё было закончено.

– А кто это – общество? – спросила Гюро.

– Общество – это мы все, кто живёт в нашей стране, – сказала Тюлинка.

– Ага.

Получалось, что вся Норвегия рада тому, что Эрле и Бьёрн сегодня поженились.

Когда они вышли, Тюлинка сказала остальным парам:

– Как хорошо, что вы нас дождались! Потому что теперь мы пойдём в Городскую горницу, я тут договорилась заранее со зрителем и ещё с кем было надо, так что всё устроилось.

Они спустились в большой зал, который Тюлинка называла Городской горницей. Там была группа туристов, которые пришли посмотреть на большие картины. Тюлинка немножко знала английский. Она сказала:

– Ladies and gentlemen. We are going to celebrate a wedding here. Мы здесь празднуем свадьбу. Сегодня поженилось много пар. We have got a Norwegian fiddler. Мы пришли с норвежским скрипачом-спиллеманом и сейчас объявляем вальс новобрачных. Все могут принять участие.

Аллан заиграл, а те, кто сегодня поженились, их свидетели и туристы – все стали танцевать. Лилле-Бьёрн и Гюро тоже танцевали, каждый сам по себе, они скакали и вертелись среди танцующих, оба уже устали всё время сидеть.

Затем Тюлинька сказала:

– Thank you и спасибо Аллану! Мы бы и ещё потанцевали, но нас пустили только на один вальс. Вообще здесь, наверное, нечасто устраивают танцы среди бела дня.

Когда они вышли на улицу, Тюлинька их ещё пофотографировала, затем все сели в машину и поехали в ресторан. Там их, конечно, вкусно накормили, а Тюлинька и Андерсен успели и отдохнуть. Проспав часок, они проснулись с новыми силами. Бьёрн повозил их на машине и показал город. Гюро это очень понравилось. На улице тем временем уже стемнело и зажёгся свет. Повсюду ярко горели фонари и весело светились витрины магазинов. По улицам ходил народ, а Гюро и Лилле-Бьёрн смотрели на всё во все глаза. Бьёрн привёз их к церкви, которая называется кафедральным собором, и тут всё было, как на свадьбе у Тюлиньки. Впереди шли Эрле и Бьёрн, за ними Гюро и Лилле-Бьёрн, а сзади Тюлинька с Андерсеном и Аллан, но никто на них не смотрел. Они сели, и навстречу им хлынули звуки органа. Музыка была такая огромная, что у Гюро появилась чувство, словно музыка пронизала её насквозь. Сначала играл только орган, но потом запел хор, и что бы вы думали он пел?

Он пел ту трудную пьесу, которую разучивала Гюро! Гюро толкнула в бок маму и толкнула Бьёрна и Аллана:

– Это же моя пьеса!

– Правильно, она самая, – сказал Аллан. – Слушай внимательно. Они поют, правда, побыстрее, чем получалось у нас с тобой.

Аллан сказал «у нас с тобой», чтобы не обижать Гюро, а то вышло бы, как будто это только Гюро играет медленно. Эрле и Бьёрн слушали, держась за руки. Ведь это был день их свадьбы и всё было так торжественно – музыка, церковь...

Слушали они долго, но вот концерт закончился, и они отправились домой.

– Теперь они рады будут отдохнуть от нас, – сказала Тюлинька.

Но Эрле возразила:

– Нет, нет! У меня дома сварен суп с фрикадельками. По-моему, сейчас всем самое время подкрепиться. Осталось только подогреть.

Суп был очень вкусный. Но тут Гюро так сморило, что Бьёрн на руках отнёс её в кровать. Мама и все остальные зашли к ней в спальню пожелать спокойной ночи, и тут сморило Лилле-Бьёрна. Хотя Лилле-Бьёрн был гораздо больше, чем Гюро, и тяжелее, Бьёрн и его отнёс в постель на руках. К нему тоже все зашли и пожелали спокойной ночи, а после этого Тюлинька, Андерсен и Аллан ушли домой. Эрле и Бьёрн остались в гостиной вдвоём, и тут Бьёрн сказал:

– Мне всё ещё как-то не до конца верится, что мы и взаправду живём теперь одним домом.

– Однако это истинная правда, – улыбнулась Эрле. – И завтра нас придут поздравлять наши друзья.

Первым наутро объявился совсем уж неожиданный гость: это была стиральная машина Эсмеральда из лесного домика. Она приехала на грузовичке, да не одна – вместе с ней в кузове прибыли бабушка и восемь детей, а в кабине сидели их папа и мама.

– Эсмеральда запросилась к вам, – сказала бабушка. – Ей надело стоять у нас без дела, и она мечтает пуститься в пляс.

– Когда она крутит бельё, мы говорим, что она расплясалась, – пояснила девочка Мари.

– Это такой великолепный подарок, что мы просто не знаем, как вас благодарить, – сказала Эрле. – Как, по-твоему, Бьёрн, мы можем принять такую дорогую вещь?

– Думаю, да. Мы обидим их, если не возьмём Эсмеральду.

Больше он ничего не сказал, потому что тут один за другим стали прибывать гости. Пришли Нюсси с родителями и Малыш Ларс из корпуса «Ю», тоже с папой и мамой. Пришёл Кнут, которого прочили в дворники корпуса «Ц», и большая девочка, которую звали Грю, пришли Тюлинька с Андерсеном и Алланом и хозяйка пансионата, где жили Гюро и Эрле, когда приехали в город. Папа Сократа толкал перед собой тачку, которую ему дали в лесном домике, Сократ, Аврора и их мама ему помогали. Впереди на тачке был прикреплён плакат: «Эрле и Бьёрну от всех жителей корпуса «Ц» и корпуса «Ю».

– Это тот секрет, о котором мы тогда говорили, – сказал Сократ своей подружке Гюро.

Оказалось, это был столярный верстак.

– Вот это да, ещё одно чудо! – воскликнула Эрле. – Мы поставим его в комнату рядом с прачечной, чтобы Эсмеральда не скучала в одиночестве. Большое-пребольшое всем спасибо!

Все гости принесли с собой какое-нибудь угощение, так что стол получился богатый.

– Замечательная компания, и стол ломится от яств! – весело сказал Андерсен.

Застолье продолжалось много часов, а когда поздно вечером гости собрались уходить, Бьёрн сказал:

– Мы проводим вас до дома.

Обитатели лесного домика сели на грузовик, но он ехал совсем медленно, так что провожающие легко поспевали за машиной пешком. Когда они поравнялись с корпусом «Ц», Гюро сказала:

– Теперь вы можете прочитать, что там дети написали на стене. Помнишь, мама, вчера мы не посмотрели.

Бьёрн прочитал надпись вслух:

– «Эрле + Бьёрн = любовь».

Эти слова были написаны на стене красными буквами.

Бьёрн не стал их стирать. Он взял брошенный на земле кусочек мела и приписал:

«И это истинная правда. Вчера они поженились».

Потом все разошлись по домам, и Гюро тоже. Проснувшись утром, она увидела, что Эрле и Бьёрн уже встали и оделись. Оба были в рабочих комбинезонах, и Эрле сказала:

– Мы сегодня проспали, Гюро. Так что на этот раз пробежки не будет. Но с завтрашнего дня обязательно начнём опять бегать. А сейчас нам с Бьёрном надо на работу, но к тебе, как всегда, придёт Тюлинька. Лилле-Бьёрн уходит в школу, так что тебе придётся немного побыть одной. Как ты – ничего?

– Угу, – сказала Гюро и снова осталась одна.

Такое иногда бывает у взрослых и у детей. Кто-то тогда берётся за книжку, кто-то вяжет, или столярничает, или делает ещё какую-нибудь работу по дому. У Гюро же была скрипка – чем не друг, с которым можно разделить одиночество!

Новое и непривычное

Новая школа стояла на краю леса, а так как она была довольно маленькая, то в ней училось гораздо меньше детей, чем в другой тирилтопенской школе, и это было очень даже хорошо. Мортену, который жил в лесном домике, это понравилось, понравилось и Лилле-Бьёрну, который раньше жил в другом районе и ходил в одну из городских школ. С тех пор как Бьёрн и Эрле поженились и вместе с детьми поселились в одном доме, Лилле-Бьёрн с непривычки все время чувствовал себя в напряжении. Хотя с Гюро и Эрле они были давно знакомы, но до сих пор им ещё никогда не приходилось подолгу жить вместе.

Такое же чувство было у Эрле и Гюро: они тоже на каждом шагу сталкивались с непривычными вещами, до сих пор они всегда жили только вдвоём – и в доме, кроме них, никого больше не было.

На первых порах все вели себя как-то натянуто. Стоило Гюро чересчур расшуметься или раскапризничаться или если она не сразу шла спать, Эрле очень расстраивалась и от волнения гораздо строже ей выговаривала, чем бывало раньше. А когда Лилле-Бьёрн не слушался, то расстраивался уже Бьёрн и тоже прикрикивал на него строже обычного. Казалось, что все четверо всё время стараются соблюдать положенные правила вежливости, а при таком странном поведении старших, которые держались дома как чужие, Гюро и Лилле-Бьёрн, как нарочно, то и дело вытворяли разные глупости. Получалось так, как будто Эрле и Гюро – это одна компания, а Лилле-Бьёрн и Бьёрн – другая, причём отношения у Эрле и Гюро не совсем дружелюбные, да и Бьёрн с Лилле-Бьёрном тоже не очень-то доверяют друг другу.

В конце концов Лилле-Бьёрн додумался, как помочь этой беде. Однажды, когда они с Гюро играли во дворе, Эрле позвала их в дом ужинать. Лилле-Бьёрн шёпотом сказал Гюро:

– Давай не пойдём.

– А почему? Эрле же позвала ужинать.

– А мы не пойдём ужинать.

– Она рассердится.

– Верно. Она рассердится на тебя, а я хочу, чтобы она и на меня рассердилась. Так будет правильно. А папа пускай посердится на тебя. Понимаешь?

– Ага, – сказала Гюро.

Хотя и не очень, но немножко она всё-таки поняла, зачем надо вести себя непослушно. Они остались во дворе. Эрле во второй раз вышла на крыльцо и крикнула:

– Гюро, ты слышала, что я сказала?

– Слышала, – сказала Гюро. – Но Лилле-Бьёрн хочет, чтобы ты и с ним сердито поговорила, иначе будет неправильно.

Эрле сначала удивилась, а потом рассмеялась и сказала:

– Ладно! А ну-ка, Лилле-Бьёрн, сейчас же домой! Я трудилась, готовила ужин и не собираюсь без конца дожидаться, когда вы наконец надумаете.

– А теперь скажи Бьёрну, чтобы он со мной строго поговорил, – сказала Гюро.

Эрле скрылась в доме и довольно долго не выходила.

Наконец на крыльце появились оба – Эрле и Бьёрн.

Бьёрн сразу направился к Гюро и сказал:

– А ну-ка, Гюро, будешь ты вести себя как человек, или будем дальше препираться?

А Эрле подошла к Лилле-Бьёрну, взяла его за руку и повела со словами:

– Всё, хватит артачиться! Видишь, я строго с тобой говорю, но, учти, это с одним условием: если тебе покажется, что я что-то сделала не так, ты тоже мне сразу скажешь. Я хочу, чтобы мы все четверо откровенно высказывали друг другу то, что думаем.

– Ладно, – сказал Лилле-Бьёрн.

После этого они перестали ходить вокруг да около и перестали делиться на две разные компании. С этих пор все они стали общаться как люди, которые очень хорошо знают друг друга, а если между ними возникали разногласия, они без утайки выкладывали что думают и всё снова становилось на своё место.

Но Гюро нужно было не только получше познакомиться с Бьёрном и Лилле-Бьёрном, а надо было, кроме того, привыкнуть к новому дому и много к чему ещё. Ей надо было привыкнуть к своей комнате и к письменному столу, который смастерил для неё Бьёрн. Хотя Гюро и не умела ещё писать, зато любила рисовать, а ещё тут была скамейка с ящиком для игрушек. В ней хранился трактор, и лошадка, и кораблик от бабушки Андерсена, и папин фонарик. А куклы Вальдемар и Кристина жили не в ящике, а наверху. Они жили в кровати у Гюро, а днём сидели на одеяле. Иногда Гюро брала их с собой в подвал, когда ходила туда упражняться на скрипке.

Проснувшись рано утром, Гюро открыла глаза: вокруг было ещё темно. Она не сразу вспомнила, что живёт теперь тут. Ведь она привыкла просыпаться в корпусе «Ц», а там всегда слышалось много звуков: хлопала дверь в подъезде, с лестницы доносились голоса, слышно было, как люди заводят свои машины. А здесь в такую рань не слышно было ни звука. Она зажгла лампочку над кроватью и убедилась, что находится в своём новом доме. В корпусе «Ц» стены были каменные, а тут, в дворничком домике, они были внутри деревянные, деревянным был и потолок, сложенный из узких длинных досок. Среди досок не было и двух совсем одинаковых, потому что у каждой был свой рисунок, отметины, оставшиеся в тех местах, откуда на дереве, из которого сделали доски, раньше росли ветки. Ещё там были тоненькие дорожки. Гюро мысленно пошла по ним гулять, кое-где на пути попадались страшные рожи. Она могла бы повернуть назад, как будто не хочет к ним приближаться, но так было неинтересно. Надо было пройти мимо страшной рожи. Сначала выждать, когда страшная рожа заснёт, и тогда пускаться бегом, чтобы успеть проскочить мимо неё, пока она не проснулась, и остановиться только там, где была добрая рожица, и в награду ты получишь блинчик или ещё что-нибудь хорошее. Но потом надо возвращаться назад. Хотя нет – вернуться можно другой дорогой, по которой идти не страшно.

Тут она услышала, как встала и пошла в ванную Эрле. Она вставала раньше всех и первая принимала душ и одевалась. Одевшись, Эрле заглянула к Гюро и шёпотом позвала:

- Ау, Гюро! Ты проснулась?
- Угу, – откликнулась Гюро.
- Беги скорее в ванную. Бьёрны ещё спят.

В ванной стоял пар после маминого душа. Гюро душа не принимала, она налила воду в раковину. Вода была тёплая, и в неё приятно было окунуть руки по локоть, а рукавичка, которой Гюро умывалась, сначала поплавала на поверхности, как кораблик, а потом, напившись водой, потяжелела и начала опускаться на дно, но Гюро не дала ей утонуть, она её вовремя выхватила, намылила, помылась и выжала из неё воду. После этого рукавичка снова поплавала, но только немножко, она была уже не такая лёгкая, как сначала.

- Гюро, – поторопила её Эрле, – ты готова?
- Ага.

Ещё раз отжав рукавичку, она спустила воду из раковины. Когда вода почти вся уже вылилась в трубу, последние остатки втянулись не то с булькающим, не то с хлюпающим звуком. Гюро вымыла после себя раковину, и вода ещё раз хлюпнула. Умывание было закончено. Гюро старалась одеться побыстрее, ведь её ждала мама, но быстро не получилось. А вот когда она не думала о том, что её ждёт мама, а думала о чём-нибудь другом, дело шло гораздо быстрее. Наконец она управилась.

- Мама была на кухне, она выжимала сок из двух апельсинов.
- На, Гюро, – сказала мама. – Попей натошак.

Бьёрн тоже проснулся, он уже стоял у плиты и готовил завтрак.

Теперь настал черёд будить Лилле-Бьёрна.

Гюро подошла к кровати, где он спал, и пощекотала ему кончик носа. Лилле-Бьёрн уже проснулся и только притворялся, что спит, но потом не выдержал щекотки и засмеялся. Он так быстро вскочил, что Гюро даже испугалась. Лилле-Бьёрн сделал вид, что сейчас её схватит. Гюро выбежала из его спальни и спряталась за спиной Бьёрна, который стоял у плиты. Бьёрн не шелохнулся и поймал Лилле-Бьёрна, когда тот влетел в кухню.

– Лилле-Бьёрн, – сказал Бьёрн, – сбегашь мне за электрической бритвой? Она лежит у меня в тумбочке на нижней полке.

Гюро тоже хотела принести Бьёрну бритву, и они наперегонки бросились выполнять поручение. Лилле-Бьёрн успел первый и бегом примчался с бритвой к отцу на кухню. Тут Эрле сказала:

– Давай, Гюро, пошли! А мужчины приготовят завтрак как раз к нашему возвращению.

– Чур, завтра я принесу бритву, – сказала Гюро.

– Хорошо. Завтра твоя очередь, – согласился Бьёрн.

Когда они вышли из дома, Эрле сказала:

– Мы ведь пойдём в лес, хотя там ещё темно? Да, Гюро?

– Давай.

С мамой это было даже интересно и нисколько не страшно. На дорожке, ведущей от школы к лесу, нужно было внимательно смотреть под ноги, на ней местами попадались протянувшиеся поперёк, выступающие из земли корни, они обледенели и блестели в темноте, но когда Гюро и мама вышли на главную лесную дорогу, то сразу стало гораздо удобнее. Тут было лучше видно и можно было ходить без опаски.

– Ну, побежали? – сказала Гюро.

– Ты беги, а мне хочется просто пройтись шагом и подумать.

Гюро побежала, и это было ужасно захватывающе, ведь она пустилась в тёмную чащу одна. Она забежала в глубь леса, насколько хватило храбрости, и постояла, вглядываясь в темноту. Тут вдруг каркнула ворона, Гюро вздрогнула и, повернув назад, со всех ног бросилась к маме.

– Ты слышала? – задыхаясь, спросила Гюро. – Это была ворона, да?

– Ну да, ворона, – сказала мама. – Теперь весь лес уже знает, что мы тут гуляем.

– Да-а? – удивилась Гюро и огляделась вокруг.

– Ну и что в этом плохого! Может быть, под тем корнем сидит, притаившись, маленькая мышка и думает: «Хорошо, что ворона меня предупредила и я не выбегу прямо под ноги людям, которые тут ходят».

– Ворона плохая! Тюлинька говорит, что она таскает у птичек яички. Гадкая ворона, обижает маленьких птичек!

– Да, в этом действительно нет ничего хорошего. Наверное, так уж она создана и не может их не таскать. Она много чего ещё таскает, для природы она вроде мусорщика. От всех

растений и животных есть какая-нибудь польза, а птички ловят комаров и мух. И знаешь, что интересно в воронах? Они иногда слетаются, как на собрание. Да-да, настоящее собрание! Это называется «вороний совет». На нём они обсуждают, куда им лететь и много чего другого, о чём мы и не догадываемся.

– Тсс! Вот она опять сказала, что мы тут.

– Нет. По-моему, она ещё кого-то увидела и рассказывает про других людей. Смотри, сейчас вроде бы уже стало посветлее. Ты видишь – вон там на макушке ёлки всё черно от ворон.

Наверное, вороны как раз проводили вороний совет, потому что они вдруг дружно поднялись и полетели все в одном направлении. Гюро показалось, что всё вокруг наполнилось шумом и хлопанием крыльев, и она увидела в небе воронью стаю, потому что уже рассвело и её можно было хорошо разглядеть. Задрав голову, она провожала глазами летящую высоко в небе стаю. Гюро дивилась, как это вороны сумели договориться, чтобы всем вместе взлететь, и кто-то из них сказал, куда им отправиться.

– Вон, смотри – одна приотстала, – сказала Эрле. – Это тоже особенность ворон. Когда видишь стаю ворон, можно быть уверенной в том, что одна непременно запаздывает и летит позади всех.

– Может быть, она как Лилле-Бьёрн, – сказала Гюро, – с утра немножко сонная.

– Угу. И знаешь, что мне рассказала одна женщина: она жила на хуторе и держала там кур. Знаешь, чего она там боялась?

– Нет, – сказала Гюро. – Она боялась ворон. Нет, лисицы!

– Немножко не так. Она боялась, что лисица заберётся в курятник и передавит ей кур. Но эта женщина очень дружила с одной вороной. Она её часто прикармливала, и ворона стала следить и предупреждать её, как только приближалась лисица. Так что, видишь, с воронами то же, что с нами, с людьми, – есть в них и что-то хорошее, и что-то плохое.

– А разве мы не всегда бываем хорошими? – спросила Гюро.

– В нас есть и то и другое, – сказала Эрле, – а в отношении природы мы поступаем не очень хорошо. Мы считаем, что вороны плохие, потому что они таскают птичьи яйца. Ну а сами-то мы что? Мы травим воздух и так замусорили землю, что от этого болеют растения и животные. Нет, знаешь ли, не нам ругать ворон!

– Я только немножко их поругала и только один раз назвала гадкими за то, что они таскают яйца у птичек. Я же напугалась, когда она каркнула.

– Не переживай, Гюрочка, – сказала Эрле. – Ничего ужасного не случилось. Зато теперь ты узнала о них что-то, чего не знала раньше.

Они прошли ещё немного по дороге, и тут вдруг откуда ни возьмись что-то светлое как выскочит им навстречу!

– Караул, это же Индивид! – воскликнула Эрле. – Встань потвёрже и приготовься встречать!

И верно – к ним действительно радостно мчался выведенный на прогулку Индивид, он был страшно рад встретить знакомых. Потом подросли его хозяева, которых Тюлинька называла «мамочкой» и «папочкой» Индивида.

– А вот и вы! – сказали они. – Всё-таки вышли на прогулку. Мы уж гадали, не забросите ли вы после переезда утренние пробежки. Последнее время мы с вами не встречались, потому что мы позволяли себе поваляться подольше в постели и выходили на прогулку не раньше восьми. Осенью почему-то гораздо труднее встаётся. Но сегодня мы справились с ленью. Ну как, Гюро, нравится тебе в новом доме?

– Угу, – кивнула Гюро.

– А мы как раз обсуждали один вопрос, с которым не знаем, как быть, – сказала мамочка Индивида. – Понимаете, мы переезжаем отсюда на запад, в Вестланн, но ещё не предупредили об этом Тюлиньку. А тут ещё такое дело, что завтра мы едем смотреть дом, который там про-

даётся. Объявление появилось в газете несколько дней тому назад, так что ехать надо скорее, но нам не хочется тащить с собой Индивида в дальнюю поездку, ведь через три дня надо уже вернуться. Вот мы и подумали, как было бы хорошо, если бы Тюлинька и Андерсен присмотрели за ним в наше отсутствие. Больше мы не будем обращаться к ним с такими просьбами, потому что мы уедем отсюда, как только всё решится с покупкой дома.

– По-моему, вы вполне можете их попросить, – сказала Эрле. – Тюлинька наверняка согласится, хотя, конечно, расстроится, когда узнает, что вы отсюда уезжаете. Если хотите, я могу передать ей вашу просьбу.

– Это было бы очень хорошо! Потому что мы с ней до вечера не увидимся. Когда она зайдёт за Индивидом в двенадцать часов, нас уже не будет дома. Так что даже лучше, если Тюлинька успеет подумать над нашей просьбой, прежде чем я спрошу её об этом вечером.

Эрле и Гюро повернули снова в лес, вышли на тропинку, ведущую к школе, и вернулись домой как раз вовремя. У Бьёрна к их приходу уже готова была овсяная каша и жареная картошка с пореем.

По секрету о грустном

В дворницком домике завтракали. Эрле и Бьёрн говорили за столом о разных вещах, которые им сегодня нужно было сделать. Лилле-Бьёрн рассказывал, сколько у него сегодня в школе всяких уроков, а Гюро почти ничего не говорила и молча ела, и ей было хорошо, оттого что все дома и у всех хорошее настроение. Но потом Эрле и Бьёрн ушли, им было пора на работу. Лилле-Бьёрн доделал задание, которое вчера забыл выполнить, и тоже ушёл, а Гюро осталась одна. В такое время дом становился другим. В нём было пусто, немного неуютно и тихо, как будто всё замерло в ожидании. Гюро подошла к окну и стала смотреть на детей, которые приходили в школу к самому первому уроку. Некоторым не нужно было спешить, они шли через школьный двор спокойным шагом. Одни шли стайками, другие поодиночке. Перед самым звонком быстро пробежали четверо школьников, а когда прозвенел звонок и все дети уже вошли в школу, рысью пробежал ещё один мальчик в расстёгнутой куртке. Развевающийся от ветра шарф хлопал его по щекам, а рюкзачок за спиной болтался, как будто мальчик не успел его как следует надеть. Он висел косо и колотил своего хозяина по спине. Мальчик опрометью промчался через двор и тоже скрылся за дверью. Гюро даже задержала дыхание, такое это было захватывающее зрелище. Примерно так бывает, когда взрослые опаздывают на трамвай и еле успевают вскочить в вагон после того, как трамвай уже тронулся. Смотреть больше было не на что, и Гюро, как обычно, пошла в подвал. На самом деле это был не совсем подвал, наполовину он возвышался над землёй. В подвале была большая комната. В ней нашлось место для верстака, который Бьёрну и Эрле подарили на свадьбу, и маленького раскладного диванчика, на котором когда-то спала Гюро. Гюро была очень довольна, что он тут стоит. Когда она оставалась одна или когда приходил Сократ, можно было на нём поиграть, а когда она упражнялась на скрипке, на диванчик можно было усадить Вальдемара и Кристину. Этим Гюро и собиралась сейчас заняться. Скрипка и нотный пюпитр теперь так и жили в подвале.

Она принялась выполнять упражнения так, как учил её Аллан: начала с того, что поводила смычком по струнам – по той, что принадлежала дедушке Андерсену, по Эрлиной и по струне Сократа. Но это ещё не всё: надо было упражнять левую руку и учиться прижимать пальцами струны, причём сразу двумя – мизинцем и указательным. Сначала мизинец совсем не слушался и никак не хотел дотягиваться до струны, но Гюро уговаривала его, чтобы он как следует тянулся, и со временем он сделался более гибким и стал гораздо послушнее, а теперь, дотянувшись до струны, учился на ней держаться. «Сначала тебе покажется скучно повторять эти упражнения, – сказал Аллан, – но они очень нужны. Зато после них ты станешь играть гораздо лучше. Наберись терпения – и сама в этом убедишься». Гюро не скучала от упражнений: во-первых, в этом был свой порядок, а главное, от них была польза, Гюро сама это замечала. Иногда ей случалось перестараться с упражнениями, и тогда мизинчик обижался. И не только мизинчик, а и все остальные пальцы. Рука деревенела и начинала болеть. Тогда Аллан объяснил ей, что давать отдых руке – это тоже очень важно. Поэтому она время от времени делала перерыв и потряхивала расслабленными руками, как ей показал Аллан. Сейчас Гюро сделала перерыв и поводила плечами. На всякий случай она ещё и поприседала, чтобы двигать ногами. Но затем она снова взяла в руку скрипку, встала к пюпитру и взяла новую ноту.

Но не успела она провести смычком по струне, как вдруг обратила внимание на Вальдемара и Кристину.

– Это у меня ещё не совсем получается, – сказала она. – И вам лучше не слушать. Давайте-ка я отправлю вас к стиральной машине Эсмеральде и закрою дверь, чтобы вам было не так слышно.

Немного поиграв, она пошла к двери и открыла её.

– Я передумала, вы можете послушать, – сказала она. – Вы же понимаете, что мне нужно много-много упражняться, для того чтобы научиться. А пока сыграю-ка я вам лучше пьесу, но после мне придётся уйти от вас. Мне нужно поговорить кое о чём с Тюлинькой по секрету, секрет немного печальный.

Сыграв пьесу, она спрятала скрипку в футляр и не забыла ослабить струну на смычке. Затем она поднялась наверх и надела куртку-дутик. И тут пришла мама. Она заглянула домой, чтобы посмотреть, как там Гюро.

– Идёшь поиграть во дворе? – спросила она.

– Я к Тюлиньке. Хочу рассказать ей то, что надо было передать, – сказала Гюро.

– Ещё нет десяти. Ты же знаешь, что Тюлинька и Андерсен любят начинать утро потихоньку-полегоньку.

– Тогда я сначала схожу к Сократу.

Тут снова зазвонил школьный звонок, он звал детей на перемену, и Гюро скорее вернулась к окну.

Из школы толпой высыпали ребята. На улице стало светлее, и Гюро могла их теперь хорошо рассмотреть. Некоторых она уже знала, потому что среди школьников были дети из корпуса «Ц» и корпуса «Ю», был там и Мортен из лесного домика, он вышел на двор вместе с Лилле-Бьёрном. Было видно: Лилле-Бьёрн рад, что рядом есть Мортен. Кроме знакомых ребят было ещё много других, которых Гюро по-настоящему не знала, но уже помнила в лицо, потому что много раз видела их из окна. Некоторые ребята бегали друг за другом, некоторые боролись, но не всерьёз, а только понарошку, но были и такие, которые боролись не понарошку, а дрались по-настоящему, были и большие ребята – эти просто стояли и разговаривали.

– Если ты не собираешься выходить из дома, то сними куртку, – сказала Эрле. – А то, смотри, как бы не перегреться.

– Хорошо, мама. Пока!

– Пока, всего хорошего!

По дороге Гюро то и дело попадались навстречу школьники. Это были дети, у которых уроки начинались без пяти девять. Самый первый урок почему-то назывался не первым, а нулевым. Гюро это казалось очень странным: сначала в школе был нулевой урок и только после него первый.

У некоторых детей лица были заспанные, хотя им и не пришлось вставать к нулевому уроку. Некоторые мирно и спокойно шли поодиночке, другие – целыми стайками, занимая всю ширину тротуара, так что Гюро с трудом мимо них проходила. Кажется, никто кроме Гюро не шёл в её сторону. Поднявшись на пригорок, она посмотрела на дома впереди. Потом, дойдя до корпуса «Ц», посмотрела на окна дворничьей квартиры. Там уже висели другие занавески. В квартире жил теперь Кнут. Занавески ему сшили его мама и девушка, которую звали Грю, так сказала Тюлинька. Гюро не собиралась туда заходить, потому что Кнута сейчас всё равно нет дома. Он собирает мусор из мусоропровода или работает в котельной. Как-то странно было войти в парадное и даже не заглянуть в квартиру, где она раньше жила! Немножко неприятно и странно. Она вошла в лифт, но поднялась не на тринадцатый этаж, где жили Тюлинька и Андерсен, а только на девятый. Выйдя из лифта, она сначала пошла по коридору к той квартире, где жил Сократ. Остановившись перед нужной квартирой, она услышала, что за дверью на чём-то играют. Наверное, это Сократ упражняется на скрипке.

Гюро постояла и послушала, а Сократ об этом даже не догадывался. Жаль, что она больше не живёт в корпусе «Ц»! Раньше Сократ всегда приходил к ней и они упражнялись вместе. Он приходил задолго до Тюлиньки. А теперь не приходит.

Какие же у него получаются низкие звуки! Струна дедушки Андерсена звучала низким голосом, но всё же не настолько. «Ага, вот в чём дело!» – догадалась Гюро. Она была почти уверена, что не ошиблась. Гюро нажала звонок. Дверь отворил Сократ.

– Аврора упражняется, – сказал он шёпотом. – Сначала упражнялся я, а после меня Аврора. Нам приходится играть по очереди. Но сейчас ей пора идти в школу, и тогда буду играть я.

– Она упражняется так же, как мы, – делает длинные штрихи и всё такое? – спросила Гюро.

– Ага. А иногда она тоже дурачится и играет как попало, а иногда играет пьесы. Иногда мы играем с ней вдвоём. Хочешь послушать?

– Хочу.

Сократ убежал в комнату:

– Аврора! Гюро пришла. Давай поиграем вдвоём. Один разочек!

– Ладно. Но скоро мне пора уходить. Мне сегодня ко второму уроку, а ещё надо собрать физкультурную форму и найти книжки, я их куда-то задевала, так что упражняться всё равно уже некогда. Что будем играть? Ту пьесу, которую ты разучил?

– Да.

Лицо у него стало очень радостное. Он достал скрипку и встал рядом с Авророй. Аврора сидела на стуле и держала виолончель между колен. Виолончель упиралась в пол и была такая большущая, что доставала Авроре до макушки и заслоняла её почти целиком.

– Я пока ещё не много умею, – сказала она, – но каждый день упражняюсь, так что кое-чему уже научилась. Папа сказал, что в Тирилтопене у нас будет новый оркестр и меня туда возьмут, и вас тоже. Ну, Сократ, начали!

– Здорово! – сказала Гюро. – Вот бы и мой брат умел играть на виолончели! Но он не играет, ему это неинтересно.

– Может быть, он захочет играть на чём-то ещё, – сказала Аврора. – А может быть, он вообще ни на чём не хочет играть – не всем же это интересно. Может быть, ему интереснее мастерить или ещё чем-то другим заниматься.

– Ага, – согласилась Гюро. – Кажется, он любит ходить в туристские походы, а ещё он рисует и столярничает, ещё он читает газеты и даже книги, а ещё он пишет письма своей маме, она у него плавает на корабле. Корабль однажды попал в шторм, а она даже не заболела морской болезнью, но была очень рада, когда шторм кончился. Лилле-Бьёрн много раз читал мне вслух её письмо, я запомнила всё почти наизусть.

– Вы останетесь тут, Гюро, или пойдёте к тебе?

– Сначала мы к Тюлиньке по важному делу, а потом, может быть, пойдём ко мне.

– Тогда выйдем вместе и я запру дверь. Ты не забудешь свои бутерброды, Сократ?

– Не забуду. А ты?

– Я тоже.

– Ты возьмёшь с собой скрипку, Сократ? – спросила Гюро. – У меня ты можешь упражняться сколько захочешь, а потом мы поиграли бы вместе. Или, может быть, ты теперь играешь только с Авророй?

Гюро задала этот вопрос немножко недовольным голосом, и Сократ поспешил её успокоить:

– Нет, что ты! Я возьму с собой скрипку.

Сократ заторопился: столько дел сразу – и скрипку надо уложить в футляр, и самому надеть куртку.

Аврора вышла в другую комнату за школьными принадлежностями. Наконец все трое собрались. Аврора заперла дверь на ключ и сказала:

– Бывай, Сократ! Папа сказал, что придёт рано и приготовит обед, а мама сегодня задержится на работе, так что обедать будем втроём.

Она бегом припустила по коридору, и, хотя времени у неё было с запасом, школьный рюкзак так и запрыгал у неё за спиной, а мешок с физкультурной формой закачался как маятник. Она вскочила в лифт и уехала вниз, а Гюро и Сократ зашагали по лестнице на тринадцатый этаж.

– Мама сказала, чтобы я не огорошивала Тюлиньку и не выпаливала всё прямо с порога, – сказала Гюро. – Так что надо начать с чего-нибудь другого.

– Хорошо.

Он не знал, чем таким они могут огоршить Тюлиньку, и, подумав, спросил:

– А какое это важное дело?

– Это секрет. В нём есть немного печального и немного радостного, а Тюлинька ещё ничего не знает.

– И я тоже не знаю.

Они уже остановились перед дверью квартиры, где жили Тюлинька и Андерсен.

И Гюро прошептала Сократу в самое ухо:

– Это про то, что Индивид уезжает от нас. Это печальная часть, а радостная – это то, что сперва он ещё может пожить несколько дней у Тюлиньки, но она ещё об этом не знает, так что ты, Сократ, смотри, ничего ей не говори!

– Я не скажу, – сказал Сократ, и Гюро нажала звонок.

Индивид становится школьником

Тюлинька и Андерсен любили начинать утро потихоньку-полегоньку. Но Гюро решила, что уже достаточно подождала, а дело, о котором она хотела рассказать Тюлиньке, было очень важным. Сократ шёпотом сказал:

– Я ничего не буду говорить, честное слово.

– Когда мы начнём об этом, можешь спокойно говорить. Только так, чтобы не сразу.

Тюлинька конечно же удивилась, когда увидела в дверях Гюро и Сократа.

– Это вы? – спросила она. – Или вы соскучились и не могли дождаться? Надеюсь, Гюро, дома ничего не случилось?

– Да нет. У меня дома ничего не случилось, и у Сократа дома ничего не случилось. А где дедушка Андерсен?

– Он в ванной, бреется.

– А как он бреется – с кисточкой или электрической бритвой?

– Ну что ты! У Андерсена безопасная бритва и кисточка-помазок. Он не признаёт этих новомодных штучек.

– Здорово! – сказала Гюро. – Папа тоже так брился, а у Бьёрна электробритва, ему так больше нравится, только на это неинтересно смотреть. А можно мне поглядеть, как бреется Андерсен?

– Сейчас спрошу у него, – сказала Тюлинька. – Андерсен! Можно, Гюро поглядит, как ты бреешься?

– И я тоже! – крикнул Сократ.

– Пожалуйста, заходите, если хотите, – сказал Андерсен.

Они открыли дверь ванной, но Андерсен не стоял перед зеркалом – он сидел. Он сидел на табуретке перед раковиной, опустив ноги в таз с водой. Под рукой у него был столик, на столике лежали газета и трубка, но сейчас у него всё лицо было в белой пене, он уже намылился.

– Каждое утро он по часу сидит в ванной, – сказала Тюлинька. – Это он от радости, что у нас собственная ванная. Помнишь, Гюро, в пансионате-то ванная была общая, одна на всех, и надо было заранее договариваться и записываться в очередь, когда хочешь её занять. Ну а теперь Андерсен договаривается со мной. Он говорит: «Ничего, если я займу сейчас ванную?» – и я уже знаю, что это значит на час, я к этому подготовлена и говорю: «Хорошо».

Сейчас Андерсен почти не мог разговаривать, потому что у него всё лицо было в мыльной пене и даже рот был ею покрыт, но он отвечал кивками и даже пробовал немного улыбаться. Отложив помазок, он взял в руки станок с безопасной бритвой. Гюро и Сократ смотрели, как на лице Андерсена среди мыльной пены начали появляться дорожки – сначала появлялась дорожка, потом целиком очищалась вся щека, сначала с одной стороны, потом с другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.